

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.03.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки / специальности)

Уголовно-правовой

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему «Домашний арест: основания и порядок применения»

Обучающийся

Э.Э. Газиев

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

Т.В. Мычак

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2023

Аннотация

Домашний арест в системе мер пресечения занимает неконкурирующую позицию, вызванную прикладными (судами не выполняются требования Пленума Верховного Суда РФ; у ФСИН отсутствует достаточное количество исправных и отвечающих требованиям современности электронные браслеты) и нормативными проблемами (отсутствуют механизмы контроля за исполнением подозреваемым (обвиняемым) домашнего ареста и контроля за выполнением подозреваемым (обвиняемым) запрета на пользование средствами связи и сетью «Интернет»).

Объект исследования: общественные отношения, возникающие при избрании и исполнении домашнего ареста в качестве меры пресечения.

Предмет исследования: нормы УПК РФ, регламентирующие современный институт домашнего ареста.

Цель исследования: проанализировать современный институт домашнего ареста по УПК РФ.

Структура исследования: введение, три главы, пять параграфов, заключение, список используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Домашний арест: правовая природа и место в системе мер пресечения	7
1.1 Ретроспективный анализ развития домашнего ареста как меры пресечения	7
1.2 Домашний арест: понятие, сущность, место в системе мер пресечения	14
Глава 2 Процессуальный порядок применения домашнего ареста в качестве меры пресечения	22
2.1 Основания применения меры пресечения в виде домашнего ареста	22
2.2 Порядок применения домашнего ареста в качестве меры пресечения	29
2.3 Виды ограничений и запретов, назначаемых при избрании домашнего ареста в качестве меры пресечения	33
Глава 3 Проблемы и тенденции совершенствования меры пресечения в виде домашнего ареста	40
Заключение	46
Список используемой литературы и используемых источников	50

Введение

Актуальность исследования темы ВКР. Домашний арест в системе мер пресечения занимает неконкурирующую позицию, вызванную прикладными (судами не выполняются требования Пленума Верховного Суда РФ; у ФСИН отсутствует достаточное количество исправных и отвечающих требованиям современности электронные браслеты) и нормативными проблемами (отсутствуют механизмы контроля за исполнением подозреваемым (обвиняемым) домашнего ареста и контроля за выполнением подозреваемым (обвиняемым) запрета на пользование средствами связи и сетью «Интернет»). Кроме того, элитарность домашнего ареста как меры пресечения препятствует его популяризации: в 1632 г. князь Белосельский по делу Шеина был подвергнут домашнему аресту; в 1795 г. домашний арест избран в отношении графа Бестужева-Рюмина; статистика, сформированная до 1899 г., свидетельствует о нулевом использовании домашнего ареста; советский законодатель, учитывая низкие показатели избрания домашнего ареста и требовательность данной меры пресечения, вовсе отказался от неё, исключив из системы мер пресечения в УПК РСФСР 1960 г.; домашний арест в системе мер пресечения восстановлен в УПК РФ 2001 г. и имеет незначительную практику применения. Элитарность домашнего ареста сохраняется и по сегодняшний день: названная мера пресечения избиралась в отношении известного российского актёра Михаила Ефремова, режиссера Кирилла Серебренникова, экс-министра экономического развития Алексея Улюкаева, экс-начальника департамента Минобороны Евгения Васильева, блогера Елены Блиновской.

Объект исследования: общественные отношения, возникающие при избрании и исполнении домашнего ареста в качестве меры пресечения.

Предмет исследования: нормы УПК РФ, регламентирующие современный институт домашнего ареста.

Цель исследования: проанализировать современный институт домашнего ареста по УПК РФ.

Задачи исследования:

- провести ретроспективный анализ развития домашнего ареста как меры пресечения;
- определить место домашнего ареста в системе мер пресечения по УПК РФ;
- выявить основания и условия избрания домашнего ареста в качестве меры пресечения;
- проанализировать порядок избрания и продления домашнего ареста в качестве меры пресечения;
- установить виды ограничений и запретов, назначаемых при избрании домашнего ареста в качестве меры пресечения;
- выявить проблемы применения и отбывания домашнего ареста в качестве меры пресечения.

Методология исследования: диалектический метод (при раскрытии объекта и предмета ВКР), общие и специальные методы исследования, формально-логический, статистический, социологический, индукция и дедукция, анализ и синтез.

Степень научной разработанности темы исследования. Домашний арест как мера пресечения являлось объектом научных изысканий следующих авторов: А.У. Абдуллина, Н.А. Андроник, Н.Н. Апостолова, Ю.Ю. Ахминова, И.В. Борисенко, О.Д. Вастьянова, М.В. Воробьев, И.Д. Гайнов, К.И. Голубцова, И.М. Горбатов, А.Е. Григорьева, М.М. Гродзинский, К.И. Давлетшина, Л.И. Даньшина, О.И. Даровских, Б.Б. Казак, Э.М. Карагозян, А.Ф. Кистяковский, С.М. Колотушкин, Д.С. Костенко, Э.Ф. Коврига, В.М. Корнуков, М.А. Куликов, Ю.Д. Лившиц, П.И. Люблинский, П.В. Макалинский, О.А. Малышева, О.О. Мещерякова, Т.В. Мычак, В.А. Михайлов, Ю.Г. Овчинников, А.В. Орлов, Т.А. Савчук, Н.А. Симагина, В.А. Светочев, А.М. Советов, В.Ю. Стельмах,

М.С. Строгович, А.Р. Тахаутдинова, В.А. Тимошкина, Ю.О. Челпанова, Б.А. Чубуков, В.С. Шадрин, Ю.И. Шищенко.

Домашний арест стал объектом диссертационного и монографического исследования следующих авторов: Н.А. Андроник, Ю.Ю. Ахминова, О.Д. Вастьянова, А.Е. Григорьева, О.И. Даровских, М.А. Куликов, Ю.Д. Лившиц, Ю.Г. Овчинников, Т.А. Савчук, Н.А. Симагина, В.А. Светочев.

Эмпирическая база исследования: проанализированы решения судов общей юрисдикции, акты Пленума Верховного Суда РФ, Конституционного Суда РФ.

Нормативная база исследования: Конституция РФ, ГК РФ, ЖК РФ, федеральные законы, нормативные акты Правительства РФ, ведомственные акты органов специальной компетенции.

Структура исследования: введение, три главы, пять параграфов, заключение, список используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Домашний арест: правовая природа и место в системе мер пресечения

1.1 Ретроспективный анализ развития домашнего ареста как меры пресечения

Домашний арест является одной из немногих мер пресечения, который может впечатлить многовековой и неординарной историей своего развития. Неизменен лишь характер домашнего ареста – элитарность подозреваемых (обвиняемых), в отношении которых он назначается. Научным сообществом подтверждается, что ещё в XVII, когда обнаруживаются отдельные признаки домашнего ареста, «... к обвиняемым знатного происхождения приставляли пристава для надзора. Поднадзорные при этом находились у себя в жилище. Таким образом, хотя название рассматриваемой меры не встречалось, но впервые в истории России обнаруживается значимый признак домашнего ареста: наличие надзора со стороны должностных лиц органов государственной власти за правонарушителем, которому предписывалось не покидать пределы своего дома. ... уже в то время появились зачатки формы контроля, которая известна сегодня – контроль без применения технических средств, осуществляемый путем постоянного наблюдения за обвиняемым» [1, с. 159]; [34, с. 11].

Довод о коренном элитарном характере домашнего ареста также доказывается исследователем дореволюционной эпохи П.И. Люблинским, которым говорится, что «ещё в 1632 году князь Белосельский по делу Шеина был подвергнут домашнему аресту» [27, с. 228].

В 1869 г. говорится о том, что домашний арест избирался лишь единожды, а именно в 1795 г. в отношении графа Бестужева-Рюмина [29, с. 454].

Таким образом, наблюдаются лишь единичные случаи назначения домашнего ареста в качестве меры пресечения в XVII-XVIII вв.

Авторы-современники – А.Е. Григорьева [13, с. 15], Т.А. Савчук [68, с. 9], В.А. Светочев [71, с. 20], – резюмируют о полноценном утверждении домашнего ареста в качестве меры пресечения в тексте Свода законов Российской Империи 1832 г. Высказанный довод имеет позитивные аспекты, однако требует уточнений:

- отсутствовал дифференциальный подход: домашний арест и полицейский надзор предусматривались одной нормой закона, применяясь за «менее важные» преступления на «известное» время;
- законодательный подход, учитываемый в Своде законов Российской Империи 1832 г., остаётся прежним после его переиздания в 1857 г.: существующая система мер пресечения, состоящая из тюремного заключения, домашнего ареста, полицейского надзора и отдачи на поруки, не даёт критериев для разграничения домашнего ареста и полицейского надзора;
- официальная статистика той эпохи не велась в отношении избираемых мер пресечения, кроме тюремного заключения [9, с. 111]. «Об этом нельзя не пожалеть, тем более что разрешение вопроса об относительной применимости каждой из четырех мер могло бы бросить свет на всю систему мер пресечения» [20, с. 107].

В 1864 г. принимается первый кодифицированный уголовно-процессуальный закон – Устав уголовного судопроизводства (далее – УУС 1864 г.).

В УУС 1864 г. система пресечения располагалась в главе VI «О пресечении обвиняемому способов уклоняться от следствия». Определялось общее правило: «Состоящие под следствием не должны отлучаться без разрешения следователя из того города или участка, где производится следствие» [76, с. 155].

Особенностями УУС 1864 г. выступали:

- большее широкий перечень мер пресечения по отношению к закону-предшественнику (6 мер пресечения, в числе которых домашний арест);
- установление оснований и условий применения отдельных мер пресечения (за исключением домашнего ареста);
- применение домашнего ареста до представления поручительства или залога.

«Авторы Устава уголовного судопроизводства 1864 г. считали возможным ограничиться лишь упоминанием домашнего ареста среди мер, предпринимаемых судебным следователем для воспрепятствования обвиняемым уклоняться от следствия (п. 5 ст. 416). Какая-либо процессуальная регламентация применения данной меры пресечения, да и определение понятия домашнего ареста отсутствовали. Из разъяснений, встречающихся в дореволюционных юридических изданиях, следует, что домашний арест отличался от содержания под стражей, по сути, только тем, что местом заключения являлась квартира обвиняемого. Применялась эта мера пресечения крайне редко – в случаях тяжелой болезни обвиняемого или его исключительного положения» [82, с. 45].

Статистика 1899 г. свидетельствует о том, что домашний арест по УУС 1864 г. не применялся [5, с. 23].

Последующее развитие системы мер пресечения наблюдается в уголовно-процессуальном законодательстве советского времени.

В 1922 г. принимается УПК РСФСР. Основным посылом избрания меры пресечения по-прежнему являлось пресечение действий обвиняемого по уклонению от суда и следствия.

Ст. 147 УПК РСФСР устанавливалось пять мер пресечения, в числе которых домашний арест. Ст. 148 УПК РСФСР говорилось, что «меры пресечения принимаются лишь после привлечения подозреваемого лица к делу в качестве обвиняемого и могут быть изменены или отменены после первого его допроса. В исключительных случаях меры пресечения могут быть

применены в отношении подозреваемых лиц и до предъявления им обвинения. В этих случаях предъявление обвинения должно иметь место не позднее 14 суток со дня принятия меры пресечения. При невозможности предъявления обвинения в указанный срок мера пресечения обязательно отменяется» [69, с. 25].

По УПК РСФСР 1922 г. «Домашний арест заключался в лишении обвиняемого свободы в виде изоляции его на дому, с назначением стражи или без таковой» [28, с. 45].

Проводя анализ системы мер пресечения, предусмотренной УПК РСФСР 1922 г., В.А. Михайлов приходит к выводу, что каждая из мер пресечения должна определяться «характером, свойствами совершенных обвиняемым преступлений, видом и строгостью установленных за них санкций, тяжестью угрожающих уголовных наказаний» [33, с. 54]. Руководствуясь сказанным, в работе О.Д. Вастьянова выделяется четыре вида обеспечения мер пресечения: «1) личное, 2) имущественное, 3) морально-нравственное, 4) административно-властное (заключение под стражу, домашний арест, наблюдение командования воинской части и присмотр за несовершеннолетним обвиняемым)» [7, с. 25].

Фактическим основанием избрания меры пресечения выступало совершение преступления, а юридическим – мотивированное постановление, которое незамедлительно доводилось до обвиняемого [70, с. 27].

УПК РСФСР 1923 г. сохранил подход, примененный в УПК РСФСР 1922 г. [63].

Основы уголовного судопроизводства СССР и союзных республик от 1924 г. не уделило должного внимания разделу о мерах пресечения, сохранив систему регулирования, существовавшую в УПК РСФСР 1922 г. и 1923 г. [64]. «Данная ситуация оставалась неизменной вплоть до принятия в декабре 1958 г. новых Основ уголовного судопроизводства, в соответствии с которыми в период с 1959 по 1961 гг. были приняты УПК союзных республик. В статье 33 Основ уголовного судопроизводства 1958 г. содержались как основания для

избрания мер пресечения, так и их общий перечень, причем помимо общего перечня (подписка о невыезде, личное поручительство или поручительство общественных организаций, заключение под стражу) была закреплена возможность установления специфических мер в законодательстве союзных республик. Основное предназначение мер пресечения в рассматриваемый период – отмечает Н.А. Симагина, – было обусловлено созданием благоприятных условий для достижения истины в судопроизводстве, предотвращения иного преступного деяния» [31, с. 10-11].

В последующем принимается последний советский уголовно-процессуальный закон: «Уже 27.10.1960 г. был принят УПК РСФСР, действовавший вплоть до 1 июля 2020 г. В указанном нормативном правовом акте были закреплены также положения Основ 1958 г. Применительно к мерам пресечения в УПК РСФСР 1960 г. нашли свое отражение основания (ст. 89) и условия их применения, а также обстоятельства, учитываемые при их избрании (ст. 91)» [25, с. 37].

Отличился УПК РСФСР 1960 г. исключением домашнего ареста из системы мер пресечения [18]. В.С. Шадрин прокомментировал данное законодательное решение следующим образом: «Возможно, учитывая слабую востребованность при производстве по уголовным делам, проблемы обеспечения эффективности, связанные, в частности, с необходимостью разработки рациональной уголовно-процессуальной регламентации домашнего ареста, создатели УПК РСФСР 1960 г. не сочли должным предусматривать его среди других мер пресечения. Соответственно, ровно сорок один с половиной год (т.е. срок действия УПК Российской Федерации – Авт.) прокуроры, следователи, дознаватели и судьи обходились без использования домашнего ареста в качестве меры пресечения при расследовании преступлений и рассмотрении уголовных дел. В теории советского уголовного процесса был изрядно забыт» [82, с. 45].

Реабилитация домашнего ареста в систему мер пресечения осуществлено лишь в 2001 г. по причине принятия нового уголовно-

процессуального закона, положения которого должны отвечать посылу, заложенному Конституцией РФ от 12 декабря 1993 г. – выстроить правовое государство с развитым гражданским обществом, где в приоритете права и свободы человека и гражданина [21].

По УПК РФ от 2001 г. систему мер пресечения сформировали:

- «подписка о невыезде;
- личное поручительство;
- наблюдение командования воинской части;
- присмотр за несовершеннолетним обвиняемым;
- запрет определенных действий;
- залог;
- домашний арест;
- заключение под стражу» (ст. 98 УПК РФ) [78].

Систематизируя вышеприведенные историко-правовые сведения, периодизация развития законодательства, посвященного домашнему аресту, делится на пять этапов:

«1. Отсутствие в правовом регулировании такой меры пресечения, как домашний арест (IX – первая половина XVIII в.).

2. Первоначальное закрепление домашнего ареста как меры пресечения в основополагающих процессуальных документах периода Российской Империи: в Своде законов 1832 г. и Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. (первая половина XVIII в. – октябрь 1917 г.).

3. Советский период (с октября 1917 г. до вступления в силу УПК РСФСР 1960 г.).

4. Период судебно-правовой реформы (1990-2001 гг.).

5. Введение в действие УПК Российской Федерации 2001 г.» [35, с. 26].

После принятия УПК РФ 2001 г. домашний арест в качестве меры пресечения не применялся в правоприменительной практике. «Впервые домашний арест стал применяться только в 2004 г., когда было зафиксировано 838 случаев избрания меры пресечения в виде домашнего ареста. Этот

показатель несколько снизился в 2005 г. (518 случаев), почти достиг прежнего уровня в 2006 г. (829 случаев), а впоследствии вновь стал снижаться» [5, с. 32].

Низкие показатели применения домашнего ареста требовали пересмотра законодательного регулирования норм, посвященных данной мере пресечения. Решением данной ситуации стало внесение изменений в ст. 107 УПК РФ, содержащихся в Федеральном законе от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [79]. С развитием информационно-коммуникативных технологий наряду с домашним арестом начинает применяться запрет пользоваться средствами связи и сетью «Интернет» [3, с. 30]. В последующем принимаются дополнительные нормативные правовые акты по применению нового запрета, накладываемого совместно с домашним арестом, – это Постановление Правительства РФ от 18.02.2013 № 134 [62] и Приказ Минюста России № 26, МВД России № 67, СК России № 13, ФСБ России № 105, ФСКН России № 56 от 11.02.2016 [66].

С учётом внесенных изменений в УПК РФ в части, касающейся регламентации домашнего ареста в качестве меры пресечения, научным сообществом говорится об неконкурирующей позиции домашнего ареста: Ю.О. Мещерякова, А.Р. Тахаутдинова и Т.В. Мычак резюмируют, что «залог и домашний арест ... нельзя рассматривать в качестве самостоятельных мер пресечения, поскольку их применение возможно только в качестве альтернативы заключению под стражу при наличии обстоятельств, делающих применение заключения под стражу невозможным. Такая позиция во многом обусловлена и практикой применения мер пресечения. К числу наиболее острых проблем правового регулирования и применения мер пресечения также относятся вопросы неэффективности применения мер пресечения, не связанных с ограничением свободы» [32, с. 22]. За последние годы наблюдается незначительный процент назначения домашнего ареста в качестве меры пресечения: «... домашний арест был избран в 2018 г. 6329 раз, в 2019 г. – 6037 г., в 2020 г. – 6939 раз, в 2021 г. – 7871 раз» [77, с. 132].

Вышесказанное позволяет сделать следующие выводы: периодизация развития домашнего ареста в национальном законодательстве включает пять этапов:

Первый этап характеризуется отсутствием домашнего ареста в классическом его понимании: наблюдаются лишь его отдельные элементы, единичная практика применения, отличающаяся элитарностью (период с IX по первую половину XVIII в.).

Второму этапу свойственно возникновение домашнего ареста в системе мер пресечения. Нормы о домашнем аресте нашли своё отражение в Своде законов 1832 г. и Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. (период с первой половины XVIII в. по октябрь 1917 г.).

Третьему этапу присуще активное развитие домашнего ареста и системы мер пресечения в целом, а после упразднение домашнего ареста в 1960 г. (период с октября 1917 г. по 1990 г.).

Четвертый этап охватывает переходное время государственно-правового преобразования и реализации программы судебной реформы (период с 1990 г. по 2001 г.).

Пятый этап длится по сегодняшний день – с момента принятия и вступления в силу УПК РФ 2001 г., внесением изменений в институт домашнего ареста, гармонизацией правоприменительной практики.

1.2 Домашний арест: понятие, сущность, место в системе мер пресечения

Понятие и цели домашнего ареста не раскрываются в действующей уголовно-процессуальной норме (ст. 107 УПК РФ). Система мер пресечения по УПК РФ 2001 г. различает лишь цель применения залога – обеспечить явку подозреваемого (обвиняемого) к следователю (дознавателю, суд), превенция совершения им новых незаконных действий, а также действий,

препятствующих производству процессуальных действий (ч. 1 ст. 106 УПК РФ).

Законодательная дефиниция домашнего ареста придерживается отражения лишь его отдельных признаков, а именно «... избирается по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения и заключается в нахождении подозреваемого или обвиняемого в изоляции от общества в жилом помещении, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях, с возложением запретов и осуществлением за ним контроля. С учетом состояния здоровья подозреваемого или обвиняемого местом его содержания под домашним арестом может быть определено лечебное учреждение».

Из сказанного следует, что содержание домашнего ареста формируют:

- обязательность судебного решения для избрания в качестве меры пресечения;
- процессуальный статус лица в качестве подозреваемого или обвиняемого;
- невозможность применения более мягкой меры пресечения;
- выражается в нахождении подозреваемого или обвиняемого в изоляции от общества:
- местом домашнего ареста является жилое помещение либо лечебное учреждение;
- возможно наложение запретов наряду с домашним арестом, усиливающих превентивно-пресекательное воздействие на подозреваемого (обвиняемого).

Многие аспекты домашнего ареста умалчиваются в ст. 107 УПК РФ: например, какие цели преследует данная мера пресечения? Изоляция от общества носит непрерывный или прерывный характер? Имеются ли специальные и условия избрания в качестве меры пресечения? Очевидно, что до внесения изменений в институт домашнего ареста в 2018 г. проблем было

на порядок больше: «сущность домашнего ареста была «размыта», так как допускалась полная или частичная изоляция от общества» [37, с. 49]; «домашний арест перестал быть переменной величиной и ... должен пониматься как полная изоляция от общества» [81, с. 68].

Понятие домашнего ареста Н.А. Колоколов трактует с буквальной точки зрения: «Буквальное толкование этого словосочетания означает, что он не покидает дома. Одного этого, как правило, достаточно, чтобы конечная цель меры пресечения была достигнута. Домашний арест – не более чем квалифицированная форма такой хорошо известной меры пресечения, как подписка о невыезде и надлежащем поведении: обвиняемый под роспись обязуется не выезжать из дома и вести себя в рамках этого помещения надлежащим образом» [38, с. 44].

Необходимо проявить солидарность со следующими тезисами, отраженными в авторской позиции Н.А. Колоколова:

- домашний арест заключается в том, чтобы подозреваемый (обвиняемый) не покидает дом. Добавим, что его процессуальной обязанностью также может выступать не покидать лечебное учреждение, в котором он пребывает по неудовлетворительному состоянию здоровья;
- домашний арест, как и подписка о невыезде и надлежащем поведении, также выражается в нахождении подозреваемого (обвиняемого) в жилом помещении, которое имеет для него статус процессуального обязательства.

Судебная практика вносит коррективы в представление о границах домашнего ареста и подписки о невыезде и надлежащем поведении: подозреваемому или обвиняемому, проживающему на частной территории, например, в сельской местности, допускается покидать жилое помещение с целью пользования баней и туалетом, расположенными за пределами жилого помещения. К этой мысли наталкивает практика Пермского краевого суда, выступившего в качестве суда апелляционной инстанции: им исключено из

числа запретов, избранных судом первой инстанции в отношении обвиняемого Д., заключенного под домашний арест, «покидать жилище, расположенное по адресу: п. Гайны, ..., без письменного разрешения следователя и контролирующего органа». Мотивировано принятое решение тем, что суд первой инстанции не обратил должного внимания на то, что баня и туалет обвиняемого Д. расположены за пределами жилого помещения [41].

Другие подходы истолковать понятие домашнего ареста отражаются в трудах авторов современного периода:

- Н.Н. Апостолова говорит об изоляции подозреваемого (обвиняемого) от общества, не раскрывая характера такой изоляции [4, с. 23];
- Ю.О. Челпанова резюмирует, что домашний арест заключается в полной изоляции подозреваемого (обвиняемого) от общества с целью исключить его преступное влияние на иных лиц [80, с. 77]. Нельзя согласиться с изложенной позицией, поскольку она противоречит практике применения ст. 107 УПК РФ: суды понимают, что полная изоляция подозреваемого (обвиняемого) от общества является чрезмерной, если подозреваемый (обвиняемый) не характеризуется в качестве склонной к правонарушениям (например, ФИО1, не имеющего судимостей, характеризующего на работе и по месту жительства положительно, после продления срока домашнего ареста до 13 января 2021 г. включительно, разрешены ежедневные прогулки в будние дни с 16 до 19 часов, а в выходные дни – с 15 часов 00 минут до 17 часов 00 минут [42]), имеет заболевания опорно-двигательной системы, дыхательных путей (например, в отношении Г.А.С. избран домашний арест в качестве меры пресечения, в порядке апелляционного обжалования разрешены ежедневные прогулки в период времени с 16 часов до 18 часов по причине наличия у него заболевания дыхательной системы – астмы [43]), и при наличии других, заслуживающих внимания,

обстоятельств (например, с целью сохранения или организации досуга подозреваемого (обвиняемого) – 23.03.2020 г. Кировский районный суд г. Томска продлил С.С.С. домашний арест до 30.06.2020 г., разрешив ему посещение тренажерного зала по адресу <...> в часы ежедневных прогулок с 14 до 16 часов [44]). Кроме того, суды, прибегая к частичной изоляции подозреваемого (обвиняемого) от общества при избрании домашнего ареста в качестве меры пресечения, могут не только ограничивать подозреваемого (обвиняемого) во времени пребывания за пределами жилого помещения (лечебного учреждения), но и территориально (например, в отношении Е. избран домашний арест в качестве меры пресечения на срок 01 месяц 22 суток в возможностью совершения прогулок к пределам придомовой территории в период времени с 17 часов 00 минут до 19 часов 00 минут, посещения медицинских учреждений при наличии уважительных оснований без письменного разрешения следователя [45]; З.М.О. разрешены прогулки с 12 часов 00 минут до 13 часов 00 минут на расстоянии не более 100 метров от дома, в котором он находится под домашним арестом [46];

- А.М. Советов рассуждает, что домашний арест введён в УПК РФ в качестве иной, более мягкой, меры пресечения по сравнению с заключением под стражу [72, с. 83].

Таким образом, домашний арест является мерой пресечения, наименее суровой, чем заключение под стражу, и выражается в изоляции подозреваемого или обвиняемого от общества в жилище, в котором он проживает на законных основаниях, или лечебном учреждении при неудовлетворительном состоянии здоровья.

Изоляция при домашнем аресте может носить как полный, так и частичный характер, что связано с целями индивидуализации избираемой меры пресечения с характером и степенью общественной опасности преступления, а также личностью подозреваемого (обвиняемого). В

зарубежной литературе подмечается положительный эффект изоляции подозреваемого (обвиняемого) при домашнем аресте, выступающем альтернативой заключению под стражу: минимизируется пагубное влияние на психику подозреваемого (обвиняемого), поскольку последний частично лишён свободы, и пребывает в домашних условиях. Более отрицательное воздействие при содержании под стражей сказывается на лицах, имеющих отставание в психическом развитии [84, с. 1136]. В отечественной литературе отмечается следующее: «во-первых, лицо озлобляется, ожесточается, «закрывается», приобретает новые преступные связи, во-вторых, помещение человека, имеющего те или иные признаки отставания в психическом развитии, в месте временного содержания не исключает возможности физического и психического насилия в отношении него со стороны других лиц, находящихся под стражей и имеющих богатый «опыт» нахождения в местах заключения» [83, с. 196].

Цели применения домашнего ареста ст. 107 УПК РФ умалчиваются. Существует множество позиций относительно применения мер пресечения:

- с целью обеспечения надлежащей явки подозреваемого (обвиняемого) к следователю и в суд. Этой идеи придерживаются М.М. Гродзинский [14, с. 7] и М.С. Строгович [75, с. 150];
- «... меры пресечения применяются в целях предупреждения уклонения подозреваемых, обвиняемых, подсудимых или осужденных от следствия и суда и от отбывания наказания, а также в целях устранения препятствий раскрытию истины и общественной опасности нахождения этих лиц на свободе» [26, с. 5-6];
- «целью применения мер пресечения является воспрепятствование обвиняемому или подозреваемому скрыться от дознания, предварительного следствия и суда, помешать установлению истины по делу, продолжать преступную деятельность или уклониться от отбывания наказания» [23, с. 84]. Выказанную позицию поддерживает и Л.И. Даньшина [15, с. 4];

- цели мер пресечения не тождественны основаниям их применения, в связи с чем российский законодатель подразумевал «не просто обеспечение неуклонения и т.п., а обеспечение достижения этой цели с предельно меньшей степенью стеснения прав, свобод и законных интересов обвиняемого» [24, с. 74];
- фактический результат применения меры пресечения и есть его результат [33, с. 19];
- «целью применения мер пресечения является обеспечение успешного расследования и судебного разбирательства уголовного дела» [19, с. 159].

Применительно к домашнему аресту его целью выступает изоляция подозреваемого (обвиняемого) от общества в жилище или лечебном учреждении для превентивно-пресекательного воздействия на подозреваемого (обвиняемого), обеспечения его явки к дознавателю, следователю или в суд.

В качестве критериев, по которым оценивается достижение цели домашнего ареста, предлагается использовать «своевременность, качественность, справедливость, достаточность, объективность, законность, доступность, экономичность и результативность, обеспечивается эффективность в уголовном судопроизводстве, что позволяет всесторонне оценить данную деятельность» [16, с. 427].

Вышесказанное позволяет сделать следующие выводы по первой главе исследования:

Периодизация развития домашнего ареста в национальном законодательстве включает пять этапов:

Первый этап характеризуется отсутствием домашнего ареста в классическом его понимании: наблюдаются лишь его отдельные элементы, единичная практика применения, отличающаяся элитарностью (период с IX по первую половину XVIII в.).

Второму этапу свойственно возникновение домашнего ареста в системе мер пресечения. Нормы о домашнем аресте нашли своё отражение в Своде

законов 1832 г. и Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. (период с первой половины XVIII в. по октябрь 1917 г.).

Третьему этапу присуще активное развитие домашнего ареста и системы мер пресечения в целом, а после упразднение домашнего ареста в 1960 г. (период с октября 1917 г. по 1990 г.).

Четвертый этап охватывает переходное время государственно-правового преобразования и реализации программы судебной-правовой реформы (период с 1990 г. по 2001 г.).

Пятый этап длится по сегодняшний день – с момента принятия и вступления в силу УПК РФ 2001 г., внесением изменений в институт домашнего ареста, гармонизацией правоприменительной практики.

По УПК РФ 2001 г. домашний арест является мерой пресечения, наименее суровой, чем заключение под стражу, и выражающаяся в изоляции подозреваемого или обвиняемого от общества в жилище, в котором он проживает на законных основаниях, или лечебном учреждении при неудовлетворительном состоянии здоровья. Целью домашнего ареста выступает изоляция подозреваемого (обвиняемого) от общества в жилище или лечебном учреждении для превентивно-пресекающего воздействия на подозреваемого (обвиняемого), обеспечения его явки к дознавателю, следователю или в суд.

Глава 2 Процессуальный порядок применения домашнего ареста в качестве меры пресечения

2.1 Основания применения меры пресечения в виде домашнего ареста

Ограничиваясь указанием, что «домашний арест в качестве меры пресечения избирается по судебному решению ... при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения ...», УПК РФ не определяет оснований применения домашнего ареста в качестве меры пресечения, ссылаясь на общие правила, а также на положения о заключении под стражу.

Общие или базовые основания применения мер пресечения диктуются ст. 97 УПК РФ. Должностное лицо, ведущее производство по делу (дознатель или следователь), а также суд вправе избрать одну из мер пресечения, предусмотренных УПК РФ, при наличии достаточных оснований полагать, что подозреваемый (обвиняемый):

- «скроется от дознания, предварительного следствия или суда;
- может продолжать заниматься преступной деятельностью;
- может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу» [57].

Кроме того, мера пресечения «может избираться также для обеспечения исполнения приговора или возможной выдачи лица в порядке, предусмотренном статьей 466 настоящего Кодекса» (ч. 2 ст. 97 УПК РФ).

Пленумом Верховного Суда РФ подчеркивается тождественность порядку принятия решения об избрании домашнего ареста в качестве меры пресечения порядку принятия решения об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу (п. 36 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу,

домашнего ареста, залога и запрета определенных действий») [65]. При этом «условия, связанные с видом и размером наказания, которые установлены частью 1 статьи 108 УПК РФ для применения в качестве меры пресечения заключения под стражу, на домашний арест не распространяются, поскольку они не предусмотрены статьей 107 УПК РФ».

Таким образом, специальными основаниями избрания домашнего ареста является наличие одного из следующих оснований:

Во-первых, подозреваемый или обвиняемый не имеет постоянного места жительства на территории Российской Федерации. При временной регистрации лица на территории Российской Федерации требуется проверять соответствие места регистрации месту проживания лица, а также срок действия регистрации. Как на то указывает Пленум Верховного Суда РФ: «Если жилое помещение, в котором предполагается нахождение подозреваемого или обвиняемого во время домашнего ареста, располагается за пределами муниципального образования, на территории которого осуществляется предварительное расследование, домашний арест может быть избран в качестве меры пресечения при условии, что данное обстоятельство не препятствует осуществлению производства по уголовному делу в разумные сроки, в частности не препятствует обеспечению доставления лица в орган дознания или орган предварительного следствия, а также в суд». Избрание домашнего ареста при отсутствии постоянного места жительства носит исключительный характер, где судом принимается во внимание существенные доводы, положительно характеризующие подозреваемого (обвиняемого): например, Постановлением Великолукского городского суда Псковской области от 27 октября 2019 г. в отношении В.Е. избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. В рамках апелляционного обжалования Псковский областной суд согласился с доводами стороны защиты, что суд первой инстанции не уделил должного внимания обстоятельствам, положительно характеризующим В.Е. – обвинение в совершении преступления средней тяжести, наличие ВНЖ и устойчивых социальных

связей в РФ, наличие временной регистрации у своей родственницы К.Н., привлечение к уголовной ответственности впервые, по инкриминируемому преступлению дал признательные показания. При учёте сказанного, Псковский областной суд постановил изменить решение Великолукского городского суда Псковской области, избрав в отношении В.Е. в качестве меры пресечения домашний арест на срок 01 месяц 29 суток, т.е. до 24 декабря 2019 г. включительно [58].

Во-вторых, его личность не установлена. Пленум Верховного Суда РФ разъясняет, что «отсутствие у подозреваемого или обвиняемого документов, удостоверяющих его личность, само по себе не свидетельствует о наличии обстоятельства, предусмотренного пунктом 2 части 1 статьи 108 УПК РФ» (п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий»).

В-третьих, им нарушена ранее избранная мера пресечения. При таких обстоятельствах домашний арест выступает в качестве процессуального наказания за нарушение требований, предписываемых соответствующей мерой пресечения. Так, например, мерой пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении на подозреваемого (обвиняемого) возлагается обязанность не покидать постоянное или временное место жительства без разрешения дознавателя, следователя или суда (п. 1 ст. 102 УПК РФ). Нарушение указанного обязательства влечёт применение более суровой меры пресечения. Проиллюстрируем на следующем примере: ФИО1 обвиняется в совершении тяжкого преступления. ФИО1, достоверно зная о существовании своего обвинения и необходимости своей явки, скрылась от следствия (продолжительное время отсутствовала по месту регистрации, не являлась в назначенный срок по вызову следователя для производства следственно-процессуальных действий), чем нарушила подписку о невыезде и надлежащем поведении. Это послужило основанием для изменения ранее

избранной меры пресечения с подписки о невыезде и надлежащем поведении на домашний арест [59].

В-четвертых, он скрылся от органов предварительного расследования или от суда.

О том, что подозреваемый или обвиняемый может скрыться от органов дознания, предварительного следствия или суда, «на первоначальных этапах производства по уголовному делу могут свидетельствовать тяжесть предъявленного обвинения и возможность назначения наказания в виде лишения свободы на длительный срок либо нарушение лицом ранее избранной в отношении его меры пресечения, не связанной с лишением свободы. О том, что лицо может скрыться за границей, могут свидетельствовать, например, подтвержденные факты продажи принадлежащего ему на праве собственности имущества на территории Российской Федерации, наличия за рубежом источника дохода, финансовых (имущественных) ресурсов, наличия гражданства (подданства) иностранного государства, отсутствия у такого лица в Российской Федерации постоянного места жительства, работы, семьи» (п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий»).

Наличие одного или нескольких признаков, указывающих на возможность подозреваемого (обвиняемого) скрыться от органов предварительного расследования или от суда, должно вызывать опасения у названных органов, требующие избрания меры пресечения, ограничивающей свободу подозреваемого (обвиняемого), – домашнего ареста или заключения под стражу.

В противовес сказанному встречается противоречивая практика: Краснодарский краевой суд своим решением от 17 августа 2020 г. по делу № 3/1-12/2020 отменил постановление Гулькевичского районного суда Краснодарского края от 31 июля 2020 г., на основании которого в отношении обвиняемого Г.Л.С. избрана мера пресечения в виде домашнего ареста,

заменив его мягкой мерой пресечения – запретом определенных действий (покидать жилое помещение в ночное время суток) сроком на 01 месяц 27 дней. При принятии такого решения Краснодарскому краевому суду были представлены доказательства, подтверждающие опасения стороны обвинения, что обвиняемый имеет реальную возможность скрыться от органов расследования и суда – у Г.Л.С. имеется действующий заграничный паспорт, родные братья и сестра, проживающие за границей (в Канаде); Г.Л.С. обвиняется в совершении тяжкого преступления, повлекшего по неосторожности смерть 4-х летнего ребёнка (п. «б, в» ч. 2 ст. 238 УК РФ); свидетелем С.Н.Н. в рамках произведенного допроса и очной ставки даны показания, что Г.Л.С. пытался дать ему денег для дачи заведомо ложных показаний, выгодных для Г.Л.С. [61].

Видится немотивированным принятое Краснодарским краевым судом решение от 17 августа 2020 г. по делу № 3/1-12/2020 по следующим причинам:

- наличествует негативные факторы, характеризующие Г.Л.С. в качестве лица, могущего скрыться от органов предварительного расследования или от суда (обвинение в совершении тяжкого преступления, попытка подкупа свидетеля);
- наличие заграничного паспорта и близких лиц за границей;
- Г.Л.С. является субъектом предпринимательства, что подразумевает наличие у него средств для быстрого сокрытия за государственную границу РФ;
- эффективность превентивно-пресекающего воздействия запрета определенных действий в виде запрета покидать жилое помещение в ночное время суток сомнительна в отношении Г.Л.С.

Особые правила предусматриваются в отношении несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого). Так, для избрания в отношении такого субъекта в качестве меры пресечения домашнего ареста требуется:

- наличие исключительных обстоятельств при совершении преступления средней тяжести;

- совершение тяжкого или особо тяжкого преступления.

Условия избрания домашнего ареста принято делить по возрастному критерию:

- в отношении совершеннолетних: «... тяжесть преступления, сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства» (ч. 1 ст. 99 УПК РФ);
- в отношении несовершеннолетних дополнительно возраст, условия жизни и воспитания, особенности личности, влияние на них старших по возрасту, в том числе их законных представителей (п. 39 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий»).

Отдельными авторами отстаивается существование иных условий, учитываемых при избрании домашнего ареста, в числе которых:

- отражение в уголовной санкции наказания в виде лишения свободы сроком более двух лет;
- наличие у подозреваемого (обвиняемого) на законных основаниях жилища;
- возможность уполномоченного органа осуществлять контрольно-надзорную деятельность за исполнением подозреваемым (обвиняемым) домашнего ареста, а также ограничений и запретов, наложенных судом [11, с. 61].

Соблюдение вышеназванных условий носит императивный характер для органов предварительного расследования и суда. Свидетельствует сказанному следующее дело из судебной практики: при избрании заключения под стражу в качестве меры пресечения в отношении несовершеннолетнего ФИО10 Заволжский районный суд г. Твери проигнорировал представленные доказательства, характеризующие условия жизни и воспитания ФИО10, не

придал значению материалам, описывающим ФИО10 и его родителей, не рассмотрел возможность избрания иной, более мягкой, меры пресечения (например, присмотр законными представителями; домашний арест), не в достаточной степени изучил обстоятельства инкриминируемого ФИО10 преступления, а именно состояние его здоровья, активное участие в раскрытии преступления, отсутствие доказательств о систематичности употребления ФИО10 наркотических средств.

Игнорирование условий избрания меры пресечения послужило основанием для апелляционного производства, по результатам которого постановление Заволжского районного суда г. Твери изменено решением Тверского областного суда – подозреваемому ФИО10 избрана мера пресечения в виде домашнего ареста [60].

Вышесказанное позволяет сделать следующие выводы:

Домашний арест избирается при невозможности применения более мягкой меры пресечения. УПК РФ предусматривает общие и специальные основания избрания домашнего ареста: установленные ст. 97 УПК РФ (опасения (попытка), что подозреваемый (обвиняемый) скроется от правоохранительных органов, продолжит заниматься преступной деятельностью, может воспрепятствовать установлению истины по уголовному делу) и ст. 108 УПК РФ (подозреваемый (обвиняемый) не имеет постоянного места жительства на территории РФ, его личность не идентифицирована, им нарушена прошлая мера пресечения, он скрылся от правоохранительных органов). Обязательным условием избрания домашнего ареста является учёт условий, индивидуализирующих подозреваемого (обвиняемого) и инкриминируемое ему преступление: тяжесть преступления, сведения о его личности (возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий), другие обстоятельства.

2.2 Порядок применения домашнего ареста в качестве меры пресечения

Избрание домашнего ареста облечено в документальную форму, лишенную индивидуальности, поскольку назначается по правилам, действующим для заключения под стражу (ч. 3 ст. 107 УПК РФ).

Возникновение необходимости избрать домашний арест в качестве меры пресечения обуславливает согласование следователем с руководителем следственного органа (дознавателем с прокурором) мотивированного ходатайства. В ходатайстве отражаются мотивы и основания избрания в отношении подозреваемого (обвиняемого) домашнего ареста, невозможность избрания иной, более мягкой, меры пресечения. К постановлению о возбуждении ходатайства прилагаются материалы, подтверждающие обоснованность ходатайства.

Готовое ходатайство направляется в суд для рассмотрения. По результатам рассмотрения судья выносит одно из следующих постановлений:

- об утверждении ходатайства. При таком случае подозреваемый (обвиняемый) помещается в жилище (лечебное учреждение) под домашний арест;
- об отказе в удовлетворении ходатайства. Гуманистический курс уголовно-процессуальной политики обуславливает запрет на избрание более суровой меры пресечения в случаях, когда суд не удовлетворяет ходатайство об избрании домашнего ареста в качестве меры пресечения. Данный запрет сформулировано в правиле, отраженном в ч. 5 ст. 107 УПК РФ: «При отказе в удовлетворении ходатайства об избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения в виде домашнего ареста судья по собственной инициативе при наличии оснований, предусмотренных статьей 97 настоящего Кодекса, и с учетом обстоятельств, указанных в статье 99 настоящего Кодекса, вправе избрать в отношении

подозреваемого или обвиняемого меру пресечения в виде запрета определенных действий или залога».

Результаты рассмотрения ходатайства об избрании домашнего ареста отражаются в постановлении судьи, которое в последующем направляется лицу, возбудившему ходатайство, прокурору, контролирующему органу по месту отбывания домашнего ареста, подозреваемому или обвиняемому и подлежит немедленному исполнению.

В обязательном порядке в постановлении об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста указывается жилое помещение, в котором подозреваемому или обвиняемому надлежит находиться. Для решения данного вопроса применяется правило, согласно которому «суд вправе определить лицу для нахождения только такое жилое помещение, в котором оно проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях (часть 1 статьи 107 УПК РФ). В связи с этим суду необходимо проверять основания проживания подозреваемого или обвиняемого в жилом помещении, нахождение в котором предполагается в случае избрания в отношении его меры пресечения в виде домашнего ареста. Например, при проживании лица в жилом помещении по договору найма следует проверить наличие договора найма жилого помещения, соответствующего требованиям Гражданского кодекса Российской Федерации и Жилищного кодекса Российской Федерации, а также срок действия договора; в случае временной регистрации лица на территории Российской Федерации надлежит проверить соответствие места регистрации месту проживания лица, а также срок действия регистрации» (п. 37 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий»).

Таким образом, решение вопроса об избрании домашнего ареста требует применения двух самостоятельных отраслей права (гражданского и уголовно-процессуального) и одной комплексной отрасли права (жилищного права). В

соответствии со сказанным, признаётся пригодным для целей домашнего ареста:

- жилое помещение, т.е. «...обособленная часть здания или сооружения, пригодная для постоянного проживания граждан (жилое помещение)» (п. 1 ст. 141.4 ГК РФ) [12];
- жилое помещение, т.е. «... изолированное помещение, которое является недвижимым имуществом и пригодно для постоянного проживания граждан (отвечает установленным санитарным и техническим правилам и нормам, иным требованиям законодательства)» (ч. 2 ст. 15 ЖК РФ) [17].

Принятие решения об избрании домашнего ареста допускается без участия подозреваемого (обвиняемого), если последний объявлен в розыск. Изложенное правило соответствует логике п. 1 ч. 1 ст. 97 УПК РФ и п. 4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ, и требует незамедлительного принятия решения об ограничении подозреваемого (обвиняемого) в свободе передвижения и выборе места жительства. При этом допускается два варианта принятия решения:

- первый вариант: принятие решения о приостановлении производства по уголовному делу с последующим объявлением подозреваемого (обвиняемого) в розыск; избрание меры пресечения в виде домашнего ареста; установление места нахождения подозреваемого (обвиняемого); производство задержания в порядке ст. ст. 91 и 92 УПК РФ; помещение подозреваемого (обвиняемого) в жилое помещение для отбывания домашнего ареста с одновременным возобновлением производства по делу. Проиллюстрируем сказанное на следующем примере: в производстве Ленинского районного суда г. Ярославля имелось уголовное дело, возбужденное в отношении Ч.Р.В., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «б, в» ч. 2 ст. 158 УК РФ. В рамках предварительного расследования в отношении Ч.Р.В. избрана мера пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении. В последующем

Ч.Р.В. скрылся от органов предварительного расследования и от суда. Постановлением Ленинского районного суда г. Ярославля от 02 марта 2021 г. Ч.Р.В. объявлен в розыск, мера пресечения изменена на домашний арест. 26 марта 2021 г. место нахождения Ч.Р.В., он был задержан и помещен под домашний арест. 12 апреля 2021 г. производство по уголовному делу было возобновлено [47];

- второй вариант: аналогичные процессуальные мероприятия, однако решение об избрании домашнего ареста принимается после установления и задержания подозреваемого (обвиняемого). Этому свидетельствует следующий случай: 26 марта 2020 г. К.С.Ю. объявлен в розыск. 30 мая 2020 г. К.С.Ю. задержан в порядке ст. 91 и 92 УПК РФ. 04 июня 2020 г. Постановлением Центрального районного суда г. Симферополя Республики Крым подозреваемому К.С.Ю. избрана мера пресечения в виде домашнего ареста сроком на 01 месяц 27 суток, т.е. до 30 июля 2020 г. [48].

Если жилое помещение, в котором предполагается нахождение подозреваемого или обвиняемого во время домашнего ареста, располагается за пределами муниципального образования, на территории которого осуществляется предварительное расследование, домашний арест может быть избран в качестве меры пресечения при условии, что данное обстоятельство не препятствует осуществлению производства по уголовному делу в разумные сроки, в частности не препятствует обеспечению доставления лица в орган дознания или орган предварительного следствия, а также в суд.

В том случае, если судебное решение об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста затрагивает права и законные интересы проживающих в том же жилом помещении собственника жилья или других лиц, они вправе обжаловать его в установленном законом порядке.

Базовый срок домашнего ареста составляет не более двух месяцев. При невозможности завершить предварительное следствие в срок до двух месяцев

и при отсутствии оснований для изменения или отмены меры пресечения этот срок может быть продлен:

- до 6 месяцев;
- свыше 12 месяцев при исключительных случаях в отношении лиц, обвиняемых в особо тяжких преступлениях;
- до 18 месяцев. Дальнейшее продление не допускается (ч. 4 ст. 109 УПК РФ).

Вышесказанное позволяет сделать следующие выводы:

Порядок избрания домашнего ареста тождественен порядку избрания заключения под стражу в качестве меры пресечения, за исключением ряда изъятий, установленных ст. 107 УПК РФ. Базовый срок домашнего ареста равен двум месяцам, допускается его продление: до 6, 12 и 18 месяцев; последующее продление не допускается.

2.3 Виды ограничений и запретов, назначаемых при избрании домашнего ареста в качестве меры пресечения

С целью усиления превентивного и пресекающего воздействия и выстраивания поведения подозреваемого (обвиняемого) в законопослушное русло наряду с домашним арестом могут применяться ограничения и запреты, установленные п. 3 – 5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ (ч. 7 ст. 107 УПК РФ). Ограниченный перечень запретов служит средством усиления домашнего ареста как меры пресечения, исключающим назначения двойной меры пресечения в отношении подозреваемого (обвиняемого).

Суд вправе при учете данных о личности подозреваемого или обвиняемого, фактических обстоятельств уголовного дела и представленных сторонами сведений при избрании домашнего ареста в качестве меры пресечения установить запреты, предусмотренные п.п. 3-5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, а именно:

- общаться с определенными лицами;

- отправлять и получать почтово-телеграфные отправления;
- использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет» [2, с. 12].

Названные запреты свидетельствуют об ужесточении домашнего ареста в системе мер пресечения. В связи с этим Конституционный Суд РФ предлагает оценивать домашний арест как форму лишения свободы, руководствуясь не формальными критериями (применение к подозреваемым или обвиняемым, а не к осужденным; обеспечительный характер), а существенными признаками, такими как «... принудительное пребывание в ограниченном пространстве, изоляция человека от общества, семьи, прекращение выполнения служебных обязанностей, невозможность свободного передвижения и общения с неограниченным кругом лиц» [39]. По этим параметрам Конституционный Суд РФ в своё время отождествлял домашний арест по строгости с заключением под стражу: «И домашний арест, и заключение под стражу в действующей системе правового регулирования связаны с принудительным пребыванием подозреваемого, обвиняемого в ограниченном пространстве, с изоляцией от общества, прекращением выполнения служебных или иных трудовых обязанностей, невозможностью свободного передвижения и общения с неопределённым кругом лиц, т.е. с непосредственным ограничением самого права на физическую свободу и личную неприкосновенность, а не только условий его осуществления» [40].

«Фактическая реализация отдельных запретов в рассматриваемой мере пресечения выглядит весьма проблематичной. Если нахождение лица в жилом помещении можно отследить с помощью электронных браслетов и трекеров, то не всегда возможно зафиксировать приближение к объектам на определенное расстояние или общение с определёнными лицами» [74, с. 22]. Во избежание неблагоприятных последствий избрание названных запретов требует выполнения ряда условий:

Во-первых, действует требование об индивидуализации лиц, с которыми подозреваемому (обвиняемому) запрещается общение – суд обязан указать

достаточные данные, позволяющие идентифицировать таких лиц. Правоприменительная практика своеобразно подходит к выполнению данного правила:

- в одних случаях применяются понятия, отсутствующие в официальном обиходе уголовно-процессуального закона. Так, например, использование понятий «друзья» и «родственники» свидетелей, с которыми запрещено общение ФИО1, послужило основанием для усомнения в верности решения суда первой инстанции. Категории «друзья» и «родственники» свидетелей являются абстрактными, и не позволяют установить конкретный круг лиц, с которыми обвиняемому запрещается общение [49]. Понятия «родственники» и «свойственники» потерпевших и свидетелей являлись основанием для отмены Верховным Судом Республики Дагестан постановления Дербентского районного суда Республики Дагестан в части установления запрета «общаться с родственниками (свойственниками) потерпевших, свидетелей по делу» [50];
- в других случаях признаётся достаточным указание на процессуальный статус лиц, с которыми запрещено общение. Так, Левашинским районным судом Республики Дагестан при назначении домашнего ареста избран запрет на общение с «иными лицами по уголовному делу», что исключает однозначное трактование с кем обвиняемому ФИО1 запрещено общение. В этом Верховный Суд Республики Дагестан увидел нарушение требований закона и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ. Для его решения им решение суда первой инстанции уточнено следующим положением: «без разрешения органов следствия не общаться с лицами, проходящими по данному уголовному делу в качестве потерпевших и свидетелей» [51].

Во-вторых, «при запрете на пользование средствами связи или ограничении в их использовании суду следует разъяснить подозреваемому, обвиняемому его право на использование телефонной связи для вызова скорой медицинской помощи, сотрудников правоохранительных органов, аварийно-спасательных служб при возникновении чрезвычайной ситуации, а также для общения с контролирующим органом, дознавателем, следователем и необходимость информировать контролирующий орган о каждом таком звонке (часть 8 статьи 107 УПК РФ)».

Обязанность суда разъяснить подозреваемому (обвиняемому) его процессуальные права вытекает из общего правила, установленного ч. 2 ст. 16 УПК РФ: «Суд, прокурор, следователь и дознаватель разъясняют подозреваемому и обвиняемому их права и обеспечивают им возможность защищаться всеми не запрещенными настоящим Кодексом способами и средствами».

На основании этого, отсутствие в резолютивной части судебного решения факта разъяснения подозреваемому (обвиняемому) его права на допустимый объём пользования средствами связи и сетью «Интернет» признаётся нарушением закона.

Так, суд первой инстанции избрал в отношении Т. домашний арест с запретом на пользование средствами связи и сетью «Интернет», однако не разъяснил допустимый объём пользования данными средствами коммуникации. Указанное послужило основанием для отмены Постановления Дербентского городского суда в отношении Т. Верховный Суд Республики Дагестан постановил установить в отношении Т. домашний арест с запретом на пользование любыми средствами связи и сетью «Интернет», кроме случаев, когда требуется медицинская и экстренная помощь, необходим вызов аварийных служб, а также для поддержания общения со следователями и контролирующим органом [52].

В-третьих, в целях установления запрета на отправку и получение почтово-телеграфных отправлений либо на использование средств связи или

ограничения в этом при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста не требуется вынесения дополнительного судебного решения по указанным вопросам в порядке, установленном ст. 165 УПК РФ.

В-четвертых, при возложении на подозреваемого (обвиняемого) запрета использовать сеть «Интернет» суд обязан указывать случаи, наличие которых смягчает данный запрет (например, необходимость обмена информацией с учебным заведением).

Исключение из общего правила в виде возможности поддержания обмена информацией с учебным заведением является проявлением допустимого объёма использования сети «Интернет», не влекущим нарушения процессуальной обязанности подозреваемого (обвиняемого).

Анализ накопившейся судебной практики наталкивает к выводу, что суды не в полной мере реализуют данное положение Пленума Верховного Суда РФ, прибегая к использованию полного запрета, влекущего, например, неуспеваемость подозреваемого (обвиняемого) в учебном заведении. К примеру, в отношении обвиняемого ФИО1 избран домашний арест с запретом на пользование средствами связи и сетью «Интернет». Защитник ФИО1 П.С.В. подал апелляционную жалобу, попросив разрешить ФИО1 посещать онлайн занятия в ССУЗе, в котором числится в качестве обучающегося. Суд первой инстанции при наложении запрета в отношении ФИО1 проигнорировал доводы стороны защиты, которые могли повлиять на запрет пользоваться сетью «Интернет»: ФИО1 признал вину в инкриминируемом преступлении; предварительное следствие по делу завершено; не нарушал избранную меру пресечения и запреты.

Смягчение запрета пользоваться сетью «Интернет» является необходимым условием для ФИО1 продолжить обучение на 3-ем курсе ГБОУПО «Севастопольский колледж информационных технологий и промышленности». Суд апелляционной инстанции оставил постановление суда первой инстанции без изменений [53].

Суд лишён права подвергать подозреваемого (обвиняемого) запретам, выходящим за пределы ч. 7 ст. 107 УПК РФ. Игнорирование изложенного правила является нарушением уголовно-процессуального закона, влекущим отмену принятого судебного решения. Так, Пермский краевой суд, руководствуясь положениями Пленума Верховного Суда РФ, а именно правилом, согласно с которым «... суд не вправе подвергать подозреваемого или обвиняемого запретам и (или) ограничениям, не предусмотренным частью 7 статьи 107 УПК РФ». Пермским краевым судом установлено, что суд нижестоящей инстанции использовал в отношении Г. запрет, который «не предусмотрен уголовно-процессуальным законом, а именно запрет на изменение места жительства без разрешения следователя». Это послужило основанием для бесосновательного ограничения Г. в его правах и законных интересах, а также для отмены данного запрета – Пермский краевой суд, выступив в роли суда апелляционной инстанции, исключил из Постановления судьи Орджоникидзевского районного суда г. Перми от 15 октября 2018 г. указание о возложении запрета в отношении Г. на изменение места жительства без разрешения следователя [54].

Вышесказанное позволяет сделать следующие выводы по второй главе исследования:

Домашний арест избирается при невозможности применения более мягкой меры пресечения. УПК РФ предусматривает общие и специальные основания избрания домашнего ареста: установленные ст. 97 УПК РФ (опасения (попытка), что подозреваемый (обвиняемый) скроется от правоохранительных органов, продолжит заниматься преступной деятельностью, может воспрепятствовать установлению истины по уголовному делу) и ст. 108 УПК РФ (подозреваемый (обвиняемый) не имеет постоянного места жительства на территории РФ, его личность не идентифицирована, им нарушена прошлая мера пресечения, он скрылся от правоохранительных органов).

Обязательным условием избрания домашнего ареста является учёт условий, индивидуализирующих подозреваемого (обвиняемого) и инкриминируемое ему преступление: тяжесть преступления, сведения о его личности (возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий), другие обстоятельства.

Порядок избрания домашнего ареста тождественен порядку избрания заключения под стражу в качестве меры пресечения, за исключением ряда изъятий, установленных ст. 107 УПК РФ. Базовый срок домашнего ареста равен двум месяцам, допускается его продление: до 6, 12 и 18 месяцев; последующее продление не допускается.

Для усиления превентивно-пресекательного воздействия суд наряду с домашним арестом может избрать один или несколько запретов, установленных п.п. 3-5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ: общаться с определенными лицами; отправлять и получать почтово-телеграфные отправления; использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет».

Глава 3 Проблемы и тенденции совершенствования меры пресечения в виде домашнего ареста

Институт домашнего ареста в системе мер пресечения отличается законодательными и прикладными проблемами. Необходимо выразить солидарность с такими авторами, как М.В. Воробьева [8, с. 108], Б.Б. Казак и И.В. Борисенко [6, с. 32], О.А. Малышева [30, с. 164], Ю.Г. Овчинников [36, с. 31], К.И. Голубцова и К.И. Давлетшина [10, с. 124], что домашний арест как мера пресечения характеризуется:

- несовершенством этапа контроля за исполнением домашнего ареста подозреваемым (обвиняемым);
- неисполнением абз. 5 п. 40 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий», а именно о назначении допустимого объёма пользования сетью «Интернет» (например, для обмена информацией с учебным заведением);
- проблематичностью осуществления контроля за соблюдением запрета пользоваться средствами связи и сетью «Интернет».

Рассмотрим каждую из названных проблем поподробнее и выработаем рекомендации по их решению.

Первая проблема – несовершенство контроля за исполнением подозреваемым (обвиняемым) домашнего ареста.

Контроль за исполнением подозреваемым (обвиняемым) домашнего ареста осуществляет уголовно-исполнительная инспекция (далее – УИИ), и регламентируется ведомственным актом Минюста России, МВД России, СК России и ФСБ России [67]. УИИ для проверки исполнения подозреваемым (обвиняемым) домашнего ареста и запретов, установленных судом, может использовать аудиовизуальные, электронные и иные технические средства. Наиболее частым средством отслеживания является электронный браслет.

Однако, руководствуясь статистическими данными, представленными ФСИН России, подавляющая часть электронных браслетов находятся в плачевном состоянии: по информации от 01.01.2021 г. у ФСИН России числилось 6621 электронный браслет 2010 г. (из них 68% неисправны), а также 18237 модифицированных электронных браслетов 2020 г. (из них 73% неисправны) [10, с. 124].

Анализ регламента осуществления контроля за подозреваемым (обвиняемым), находящимся под домашним арестом, установленного Приказом Минюста России № 189, МВД России № 603, СК России № 87, ФСБ России № 371 от 31.09.2020 г. «Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемыми или обвиняемыми, в отношении которых в качестве меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог», наталкивает на следующие негативные выводы:

- слабый радиус уверенного действия электронного браслета: до 5 метров для мобильного контрольного устройства (далее – МКУ) или 50-100 метров – для стационарного контрольного устройства (далее – СКУ);
- МКУ является габаритным и непрактичным в повседневной эксплуатации;
- электронный браслет выходит из строя (выключается) при температуре ниже 5 градусов по Цельсию;
- зарядные разъёмы МКУ и СКУ изношены, что существенно препятствует их подзарядке и приводит в негодность;
- полная разрядка электронного браслета требует вмешательства сотрудника УИИ с целью вскрытия корпуса электронного браслета для его перезапуска;

- на электронном браслет отсутствует индикатор заряда, что требует от подозреваемого (обвиняемого) постоянного надзора за интервалом зарядки электронного браслета.

Предлагается решить проблему нехватки и технического несовершенства электронных браслетов путём размещения тендера на разработку электронного браслета схожего по форме и техническим характеристикам современным смарт-часам (например, Xiaomi). В качестве рекомендуемых технических характеристик современных электронных браслетов необходимо указать в тендере следующее:

- датчики: сердечного ритма, акселерометр, геолокации (GPS);
- навигации: GPS, A-GPS и ГЛОНАСС;
- емкость аккумулятора, достаточный для автономной работы электронного браслета минимум 7 дней;
- индикатор заряда батареи с уведомлениями о необходимости произвести подзарядку не менее чем за 2 и 4 часа до выключения;
- рабочая температура: от -10 до +45 градусов по Цельсию;
- незначительный вес и габариты.

Вторая проблема – невыполнение положений абз. 5 п. 40 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий», а именно о назначении допустимого объёма пользования сетью «Интернет». Наиболее частой просьбой стороны защиты является допустить пользование сетью «Интернет» для обмена информацией с учебным заведением, в котором проходит обучение подозреваемый (обвиняемый).

Проанализированная следственно-судебная практика говорит о том, что даже при наличии видных причин для допуска в пользование сетью «Интернет», суды прибегают к полному запрету, чем нарушают права подозреваемого (обвиняемого) на образование. Наглядными примерами послужат следующие судебные решения:

- ранее рассмотренное Постановление Верховного Суда Республики Крым от 20 сентября 2019 г. по делу № 22К-2901/2019, которым Верховный Суд Республики Крым, выступив в качестве суда апелляционной инстанции, отказал в удовлетворении апелляционной жалобы стороны защиты, просившей разрешить пользоваться сетью «Интернет» для продолжения обучения на 3-ем курсе ГБОУПО «Севастопольский колледж информационных технологий и промышленности» [53];
- в условиях пандемии (ограничительных мероприятий) применение запрета на пользование сетью «Интернет» лишает подозреваемого (обвиняемого), находящегося под домашним арестом, возможности поддержания связи с внешним миром, продолжения выполнения трудовых функций, а также обучения в среднем или высшем учебном заведении. Усугубляется изложенная ситуация тем, что запрет, наложенный на подозреваемого (обвиняемого), затрагивает права детей подозреваемого (обвиняемого) на получение образования. Так, в связи с введенными ограничениями в условиях сложной эпидемиологической ситуации в отношении Т. избран домашний арест с запретом на пользование средствами связи и сетью «Интернет». Однако, введенный запрет прямо повлиял на успеваемость её детей: в связи с введенным дистанционным обучением образовательный процесс был перенесён на онлайн-платформы, для работы которых требуется постоянный доступ в сеть «Интернет». Суд первой инстанции не принял во внимание данное обстоятельство, что стало основанием для апелляционного обжалования, которое оставлено без удовлетворения апелляционной инстанцией [55]. Подобный подход сохраняется и в решениях других судов [56].

Таким образом, наблюдается игнорирование требований абз. 5 п. 40 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения

судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий», а именно назначения допустимого объёма использования сети «Интернет», например, в целях продолжения обучения в образовательном учреждении.

С целью решения выявленной проблемы предлагается перенести положения абз. 5 п. 40 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» в контекст п. 5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ для придания им нормативного положения, нарушение которых будет влечь отмену принятого решением судом апелляционной инстанции.

Третья проблема – отсутствие механизмов контроля за выполнением подозреваемым (обвиняемым) запрета на пользование средствами связи и сетью «Интернет». В УПК РФ и Приказе Минюста России № 189, МВД России № 603, СК России № 87, ФСБ России № 371 от 31.09.2020 г. отсутствуют механизмы контроля за соблюдением подозреваемым (обвиняемым), помещенным под домашний арест, запрета, установленного п. 5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ.

Рекомендуется использовать два решения выявленной проблеме:

- нормативный: прописать в п. 5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ полномочие УИИ (контролирующего органа) осуществлять проверки соблюдения запрета через просмотр истории телефонных звонков и браузеров, установленных на телефоне, ПК. Поскольку указанные источники могут быть подкорректированы пользователем, целесообразно запрашивать историю телефонных звонков и браузеров у оператора связи и провайдера;
- технический: ввести систему интеллектуального блокирования. Данная идея вводится в научный оборот С.М. Колотушкиным и входит в систему технико-криминалистических средств [73, с. 51]. Технология интеллектуального блокирования состоит из следующих

процессов: вблизи с подозреваемым (обвиняемым) устанавливаются оперативно-технические средства радиоконтроля, отслеживающие излучения неустановленных (выпадающих из допустимого списка – следователь, суд, контролирующий орган, скорая помощь, аварийные службы и пр.) абонентских станций, в том числе посещаемых интернет-ресурсов; осуществляется пеленгация и регистрация несанкционированных источников радиосигналов, посещаемых интернет-ресурсов; полученные данные позволят сотруднику УИИ отправлять запросы интернет-провайдеру и оператору связи с целью прекращения оказания услуг [22, с. 14].

Вышесказанное позволяет сделать следующие выводы по третьей главе исследования:

Установлено три проблемы, влияющие на частоту избрания домашнего ареста в качестве меры пресечения, а также на качество соблюдения прав и законных интересов подозреваемого (обвиняемого):

Первая проблема – несовершенство контроля за исполнением подозреваемым (обвиняемым) домашнего ареста.

Вторая проблема – невыполнение положений абз. 5 п. 40 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий», а именно о назначении допустимого объёма пользования сетью «Интернет».

Третья проблема – отсутствие механизмов контроля за выполнением подозреваемым (обвиняемым) запрета на пользование средствами связи и сетью «Интернет».

Заключение

Необходимо сделать следующие выводы по теме ВКР.

Периодизация развития домашнего ареста в национальном законодательстве включает пять этапов:

Первый этап характеризуется отсутствием домашнего ареста в классическом его понимании: наблюдаются лишь его отдельные элементы, единичная практика применения, отличающаяся элитарностью (период с IX по первую половину XVIII в.).

Второму этапу свойственно возникновение домашнего ареста в системе мер пресечения. Нормы о домашнем аресте нашли своё отражение в Своде законов 1832 г. и Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. (период с первой половины XVIII в. по октябрь 1917 г.).

Третьему этапу присуще активное развитие домашнего ареста и системы мер пресечения в целом, а после упразднение домашнего ареста в 1960 г. (период с октября 1917 г. по 1990 г.).

Четвертый этап охватывает переходное время государственно-правового преобразования и реализации программы судебно-правовой реформы (период с 1990 г. по 2001 г.).

Пятый этап длится по сегодняшний день – с момента принятия и вступления в силу УПК РФ 2001 г., внесением изменений в институт домашнего ареста, гармонизацией правоприменительной практики.

По УПК РФ 2001 г. домашний арест является мерой пресечения, наименее суровой, чем заключение под стражу, и выражающаяся в изоляции подозреваемого или обвиняемого от общества в жилище, в котором он проживает на законных основаниях, или лечебном учреждении при неудовлетворительном состоянии здоровья. Целью домашнего ареста выступает изоляция подозреваемого (обвиняемого) от общества в жилище или лечебном учреждении для превентивно-пресекающего воздействия на

подозреваемого (обвиняемого), обеспечения его явки к дознавателю, следователю или в суд.

Домашний арест избирается при невозможности применения более мягкой меры пресечения. УПК РФ предусматривает общие и специальные основания избрания домашнего ареста: установленные ст. 97 УПК РФ (опасения (попытка), что подозреваемый (обвиняемый) скроется от правоохранительных органов, продолжит заниматься преступной деятельностью, может воспрепятствовать установлению истины по уголовному делу) и ст. 108 УПК РФ (подозреваемый (обвиняемый) не имеет постоянного места жительства на территории РФ, его личность не идентифицирована, им нарушена прошлая мера пресечения, он скрылся от правоохранительных органов).

Обязательным условием избрания домашнего ареста является учёт условий, индивидуализирующих подозреваемого (обвиняемого) и инкриминируемое ему преступление: тяжесть преступления, сведения о его личности (возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий), другие обстоятельства.

Порядок избрания домашнего ареста тождественен порядку избрания заключения под стражу в качестве меры пресечения, за исключением ряда изъятий, установленных ст. 107 УПК РФ. Базовый срок домашнего ареста равен двум месяцам, допускается его продление: до 6, 12 и 18 месяцев; последующее продление не допускается.

Для усиления превентивно-пресекательного воздействия суд наряду с домашним арестом может избрать один или несколько запретов, установленных п. 3 – 5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ: общаться с определенными лицами; отправлять и получать почтово-телеграфные отправления; использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет».

Установлено три проблемы, влияющие на частоту избрания домашнего ареста в качестве меры пресечения, а также на качество соблюдения прав и законных интересов подозреваемого (обвиняемого):

Первая проблема – несовершенство контроля за исполнением подозреваемым (обвиняемым) домашнего ареста.

Предложено решить эту проблему следующим путем: разместить тендер на разработку электронного браслета схожего по форме и техническим характеристикам современным смарт-часам (например, Xiaomi). В качестве рекомендуемых технических характеристик современных электронных браслетов необходимо указать в тендере следующее:

- датчики: сердечного ритма, акселерометр, геолокации (GPS);
- навигации: GPS, A-GPS и ГЛОНАСС;
- емкость аккумулятора, достаточный для автономной работы электронного браслета минимум 7 дней;
- индикатор заряда батареи с уведомлениями о необходимости произвести подзарядку не менее чем за 2 и 4 часа до выключения;
- рабочая температура: от -10 до +45 градусов по Цельсию;
- незначительный вес и габариты.

Вторая проблема – невыполнение положений абз. 5 п. 40 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий», а именно о назначении допустимого объёма пользования сетью «Интернет».

Предлагается решить эту проблему следующим образом: перенести положения абз. 5 п. 40 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» в контекст п. 5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ для придания им нормативного положения, нарушение которых будет влечь отмену принятого решения судом апелляционной инстанции.

Третья проблема – отсутствие механизмов контроля за выполнением подозреваемым (обвиняемым) запрета на пользование средствами связи и сетью «Интернет».

Предлагается решить эту проблему двумя методами – нормативным и техническим:

- нормативный: прописать в п. 5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ полномочие УИИ (контролирующего органа) осуществлять проверки соблюдения запрета через просмотр истории телефонных звонков и браузеров, установленных на телефоне, ПК. Поскольку указанные источники могут быть подкорректированы пользователем, целесообразно запрашивать историю телефонных звонков и браузеров у оператора связи и провайдера;
- технический: ввести систему интеллектуального блокирования. Технология интеллектуального блокирования состоит из следующих процессов: вблизи с подозреваемым (обвиняемым) устанавливаются оперативно-технические средства радиоконтроля, отслеживающие излучения неустановленных (выпадающих из допустимого списка – следователь, суд, контролирующий орган, скорая помощь, аварийные службы и пр.) абонентских станций, в том числе посещаемых интернет-ресурсов; осуществляется пеленгация и регистрация несанкционированных источников радиосигналов, посещаемых интернет-ресурсов; полученные данные позволят сотруднику УИИ отправлять запросы интернет-провайдеру и оператору связи с целью прекращения оказания услуг.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Абдуллина А.У. История возникновения и развития домашнего ареста как меры пресечения в отечественном уголовном судопроизводстве // Молодой ученый. 2020. № 17 (307). С. 159-161.
2. Андроник Н.А. Некоторые проблемы применения домашнего ареста и запрета определенных действий // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 2 (34). С. 10-14.
3. Андроник Н.А. Меры пресечения, избираемые судом по ходатайству органов предварительного расследования: проблемы правоприменения и законодательного регулирования: дис. ... канд. юрид. наук: Екатеринбург, 2022. 222 с.
4. Апостолова Н.Н. Запрет определенных действий в системе мер пресечения // Российская юстиция. 2019. № 3. С. 23-25.
5. Ахминова Ю.Ю. Домашний арест как мера пресечения (проблемы избрания и реализации на стадии предварительного расследования): дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2017. 181 с.
6. Борисенко И.В., Казак Б.Б. Использование электронного мониторинга при контроле за осужденными без изоляции от общества // Российский следователь. 2012. № 9. С. 32-33.
7. Вастьянова О.Д. Запрет определенных действий как мера пресечения в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2022. 206 с.
8. Воробьев М.В. Организация и правовые основы деятельности уголовно-исполнительных инспекций по исполнению наказания в виде ограничения свободы с использованием средств электронного мониторинга: дис. ... канд. юрид. наук. М. 2015. 204 с.
9. Гайнов И.Д. История становления и развития мер уголовно-процессуального принуждения в России (13-19 века) // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2012. № 4. С. 107-112.

10. Голубцова К.И, Давлетшина К.И. Проблемные вопросы эксплуатации систем электронного мониторинга подучетных лиц в федеральной службе исполнения наказаний и перспективные направления их решения // Вестник Самарского юридического института. №. 5 (46). 2021. С. 122-127.

11. Горбатов И.М. К вопросу оснований и условий избрания меры пресечения в виде домашнего ареста // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2022. № 4. С. 57-64.

12. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2023) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. ст. 3301.

13. Григорьева А.Е. Вопросы теории и практики избрания следователем органов внутренних дел отдельных мер пресечения: залога и домашнего ареста: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2008. 22 с.

14. Гродзинский М.М. Обвиняемый, его обязанности и права в процессе. М. : Право и жизнь, 1926. 124 с.

15. Даньшина Л.И. Меры пресечения при производстве по уголовному делу: учебное пособие. М. : Учебно-методический центр при ГУК МВД РФ, 1991. 40 с.

16. Даровских О.И. Теоретические, правовые и организационные основы обеспечения эффективности уголовно-процессуальной деятельности: дис. ... д-ра юрид. наук. Челябинск, 2022. 538 с.

17. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ. № 1. 03.01.2005. ст. 14.

18. Закон РСФСР от 27 октября 1960 г. «Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

19. Карагозян Э.М. Процессуальная самостоятельность следователя при применении мер пресечения // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 3. С. 158-160.

20. Кистяковский А.Ф. О пресечении обвиняемому способов уклоняться от следствия и суда. СПб., 1868. 196 с.

21. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. № 144. 04.07.2020.

22. Колотушкин С.М. Технологии фonoскопии в противодействии незаконному использованию средств мобильной связи на территории 50 учреждений УИС // Петербургские Пенитенциарные конференции. материалы конференций. В 4 т. Санкт-Петербург. 2021. С. 12-16.

23. Коврига Э.Ф. Уголовно-процессуальное принуждение. Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 1975. 175 с.

24. Корнуков В.М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1978. 136 с.

25. Куликов М.А. Меры пресечения по законодательству Российской Федерации и иных государств романо-германской правовой семьи (континентальной системы права): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 230 с.

26. Лившиц Ю.Д. Меры процессуального принуждения в советском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1958. 19 с.

27. Люблинский П.И. Свобода личности в уголовном процессе. СПб., 1906. 694 с.

28. Люблинский П.И. Меры пресечения (Комментарий к ст. 146-164 УПК РСФСР) / под ред. проф. Н.Н. Полянского и П.Н. Малянтовича. - М., 1923. 675 с.

29. Макалинский П.В. Практическое руководство для судебных следователей, состоящих при окружных судах. СПб., 1901. 576 с.

30. Малышева О.А. Эффективность применения СЭМПЛ при исполнении уголовного наказания в виде ограничения свободы // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2017. № 1. С. 162-167.

31. Меры пресечения и обстоятельства, учитываемые при их избрании: учеб. пособие / Н.А. Симагина; Владим. гос. ун-т им. А.Г. и Н.Г. Столетовых. – Владимир : Изд-во ВлГУ, 2021. 180 с.

32. Мещерякова О.О., Тахаутдинова А.Р., Мычак Т.В. К вопросу о системе мер пресечения в российском уголовном процессе // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2022. № 1. С. 21-27.

33. Михайлов В.А. Меры пресечения в российском уголовном процессе. М., 1996. 299 с.

34. Овчинников Ю.Г. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006. 22 с.

35. Овчинников Ю.Г. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе: науч.-метод. пособие. М. : Юрлитинформ, 2006. 192 с.

36. Овчинников Ю.Г. Использование электронных технических средств как метод надзора при применении домашнего ареста и ограничении свободы // Российский следователь. 2010. № 8. С. 30-32.

37. Орлов А.В. Актуальные проблемы реализации домашнего ареста в свете введения меры пресечения в виде запрета определенных действий // Вестник Самарского юридического института. 2018. № 3 (29). С. 48-51.

38. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: практическое пособие: в 2 ч. / В.А. Давыдов, В.В. Дорошков, Н.А. Колоколов и др.; под ред. В.М. Лебедева. - 7-е изд., перераб. и доп. - М. : Юрайт, 2016. Ч. 1. 303 с.

39. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.2009 № 9-П // СПС КонсультантПлюс.

40. Постановление Конституционного Суда РФ от 06.12.2011 № 27-П // СПС КонсультантПлюс.

41. Постановление Пермского краевого суда от 07 августа 2020 г. по делу № 3/1-7/2020 // [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/>.

42. Постановление Калужского областного суда от 28 декабря 2020 г. по делу № 3/4-1-8/2020 // [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/>.
43. Постановление Псковского областного суда от 02 октября 2020 г. по делу № 3/12-1/2020 // [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/>.
44. Постановление Томского областного суда от 24 декабря 2020 г. по делу № 1-59/2020 // [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/>.
45. Постановление Иркутского областного суда от 27 августа 2020 г. по делу № 3/4-7/2020 // [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/>.
46. Постановление Томского областного суда от 27 августа 2020 г. по делу № 3/12-20/2020 // [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/>.
47. Постановление Ярославского областного суда от 21 мая 2021 г. по делу № 1-60/2021 // [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/>.
48. Постановление Верховного Суда Республики Крым от 13 августа 2020 г. по делу № 3/12-62/2020 // [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/>.
49. Постановление Краснодарского краевого суда от 3 августа 2020 г. по делу № 3/4-170/2020 // [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/>.
50. Постановление Верховного Суда Республики Дагестан от 17 февраля 2020 г. по делу №К-395/2020 // [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/>.
51. Постановление Верховного Суда Республики Дагестан от 08 июля 2020 г. по делу № 3/1-6/2020 // [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/>.
52. Постановление Верховного Суда Республики Дагестан от 03 августа 2018 г. по делу № 22К-1307/2018 // [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/>.
53. Постановление Верховного Суда Республики Крым от 20 сентября 2019 г. по делу № 22К-2901/2019 // [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/>.
54. Постановление Пермского краевого суда от 22 октября 2018 г. по делу № 22К-6719/2018 // [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/>.
55. Постановление Иркутского областного суда от 28 мая 2020 г. по делу № 22-1631/2020 // [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/>.

56. Постановление Липецкого областного суда от 21 мая 2020 г. по делу № 3/4-11/2020 // [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/>.

57. Постановление Липецкого областного суда 17 июля 2020 г. по делу № 3/4-15/2020 // [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/>.

58. Постановление Псковского областного суда от 07 ноября 2019 г. по делу № 3/1-101/2019 // [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/>.

59. Постановление Воронежского областного суда от 24 апреля 2020 г. по делу № 3/14-61/2020 // [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/>.

60. Постановление Тверского областного суда от 27 июня 2017 г. по делу № 22К-1282/2017 // [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/>.

61. Постановление Краснодарского краевого суда от 17 августа 2020 г. по делу № 3/1-12/2020 // [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/>.

62. Постановление Правительства РФ от 18.02.2013 № 134 (ред. от 15.11.2018) «О порядке применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, которые могут использоваться в целях осуществления контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста, а также за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемым или обвиняемым, в отношении которого в виде меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог» (вместе с «Правилами применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, которые могут использоваться в целях осуществления контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста, а также за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемым или обвиняемым, в отношении которого в качестве меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог») // Собрание законодательства РФ. 25.02.2013. № 8. ст. 838.

63. Постановление ВЦИК от 15 февраля 1923 г. «Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р (вместе с «Уголовно-Процессуальным кодексом Р.С.Ф.С.Р») // СУ РСФСР. 1923. № 7. ст. 106.

64. Постановление ЦИК СССР от 29 октября 1924 г. «Об утверждении Положения о союзном гражданстве; Основ судоустройства Союза ССР и союзных республик; Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик; Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик и Положения о воинских преступлениях» // СЗ СССР. 1924. № 23. ст. 201.

65. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 11.06.2020) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 2.

66. Приказ Минюста России № 26, МВД России № 67, СК России № 13, ФСБ России № 105, ФСКН России № 56 от 11.02.2016 «Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением ими наложенных судом запретов и (или) ограничений» (Зарегистрировано в Минюсте России 22.03.2016 № 41497) // Официальный интернет-портал правовой информации. 04.09.2020.

67. Приказ Минюста России № 189, МВД России № 603, СК России № 87, ФСБ России № 371 от 31.08.2020 «Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемыми или обвиняемыми, в отношении которых в качестве меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог» (Зарегистрировано в Минюсте России 03.09.2020 № 59635) // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 04.09.2020.

68. Савчук Т.А. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе Республики Беларусь: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 2014. 27 с.

69. Симагина Н.А. Меры пресечения и обстоятельства, учитываемые при их избрании (теория и современная практика): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 206 с.

70. Симагина Н.А. Меры пресечения и обстоятельства, учитываемые при их избрании (теория и современная практика): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 65 с.

71. Светочев В.А. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2009. 164 с.

72. Советов А.М. Понятие и место домашнего ареста в российской системе мер пресечения // Вестник магистратуры. 2019. №. 10-2 (97). С. 83-84.

73. Современные технико-криминалистические средства и практика их применения для специальности II ступени высшего образования; Юриспруденция: учебно-методический комплекс по учебной дисциплине / сост. Т.Ф. Дмитриева. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2022. 180 с.

74. Стельмах В.Ю. Мера пресечения «запрет определенных действий» // Российский следователь. 2020. № 2. С. 21-25.

75. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. 703 с.

76. Судебные уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на которых они основаны. Часть 2. СПб., 1866. 764 с.

77. Тимошкина В.А. К вопросу о некоторых проблемах, возникающих при избрании запрета определенных действий в качестве меры пресечения // Вестник Российского университета кооперации. 2022. №. 4 (50). С. 130-134.

78. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 10.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 21.07.2023) // Собрание законодательства РФ. № 52. 24.12.2001. ст. 4921.

79. Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные

законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 12.12.2011. № 50. ст. 7362.

80. Челпанова Ю.О. Особенности применения мер пресечения к несовершеннолетнему подозреваемому или обвиняемому // Молодой ученый. 2018. № 37. С. 77-79.

81. Чубуков Б.А, Костенко Д.С. Соотношение правовой природы домашнего ареста и запрета определенных действий в контексте развития института мер пресечения в Российской Федерации // Legal Bulletin. Т. 8. 2023. №. 2. С. 64-75.

82. Шадрин В.С. Домашний арест: обновляемая мера пресечения //Кримналистъ. 2012. № 1. С. 45-51.

83. Шищенко Ю.И. Проблема избрания меры пресечения в виде домашнего ареста в отношении несовершеннолетних, имеющих отставание в психическом развитии, на стадии предварительного расследования. Статья в сборнике научных трудов по материалам IV Международной научно-практической конференции молодых ученых. НОО «Профессиональная наука». 2017. № 8. С. 194-198.

84. Frazier C., Bishop D. Pretrial Detention of Juveniles and Its Impact on Case Dispositions // The Journal of Criminal Law and Criminology. 1985. Vol. 76 P. 1132-1152.